

Меч тиранию дробит, и богатства народа – владыки,
Морем, и твердой землей, и целым владевшего миром
Мало теперь для двоих.

И также Боэций во второй книге, говоря о принцепсе римлян, утверждает: «Под его скипетром народы, которые Феб в беге своем освещает от крайних пределов востока до запада, где светило погружает в волны свои лучи. Под властью его – народы, угнетаемые семью ледяными валами, и те племена, которые опалает насильник Нот, раскаляющий горячие пески». Это свидетельствует и летописец жизни Христовой, Лука, возглашающий всю правду в следующей части своего повествования: «Вышел указ от цезаря Августа о переписи во всем мире». Из этих слов мы можем ясно уразуметь, что законы римлян распространялись тогда на весь мир. Из сказанного очевидно, что римский народ занял первое место в состязании со всеми домогавшимися владычества над миром; следовательно, он занял его по Божественному решению и, стало быть, получил это по Божественному решению, что равносильно тому, что получил он это по праву.

IX.

И то, что приобретается в поединке, приобретается по праву. Ведь повсюду решение человеческое имеет недостатки, будучи окутано мраком неведения или не имея защиты судей; дабы справедливость не осталась в забвении, надобно прибегнуть к Тому, Кто возлюбил ее настолько, что Своею кровью, умирая, удовлетворил ее требованию. Потому говорится в псалме: «Праведен Господь и возлюбил справедливость». А бывает это тогда, когда с согласия обеих сторон происходит борьба между силами души и тела, не по причине ненависти или любви, но единственно из жажды справедливости, и тогда для решения их спора призывается Божий суд. Эту борьбу мы называем поединком (*duellum*), ибо первоначально она была введена как единоборство. Но всегда надлежит остерегаться следующего. Так же как в военных делах сначала нужно испробовать все возможности посредством некоего спора и лишь напоследок решиться на сражение, как предписывают это в полном согласии друг с другом и Туллий, и Вегеций, последний в сочинении «О военном деле», а первый – в сочинении «Об обязанностях», и, так же как при медицинском уходе нужно испробовать все, прежде чем прибегнуть к железу и огню, обращаясь к этим последним лишь в крайнем случае, – так и решая спор, мы обращаемся к этому средству лишь в крайнем случае, после того как испробовали все пути, словно понуждаемые некоей необходимостью справедливости. Итак, становятся ясными две формальные особенности поединка: во-первых, только что указанная; во-вторых, та, которой мы коснулись выше, а именно агонисты, или участники поединка, должны выходить на палестру, движимые не любовью или ненавистью, а единственно ревнуя о справедливости, с общего согласия. И потому хорошо говорит Туллий, касаясь этого предмета, а именно утверждая: «Войны, целью которых является венец империи, надлежит вести с наименьшим ожесточением».

Если указанные формальные особенности поединка соблюдены (ведь иначе он бы перестал быть поединком), разве те, кого собрала, с их общего согласия, жажда справедливости, – разве ревнители этой справедливости не соединились во имя Божье? А если так, разве Бог не среди них, коль скоро сам это обещает нам в Евангелии? А если присутствует Бог, разве не грех полагать, что справедливость может потерпеть поражение? Справедливость, которую он возлюбил настолько, насколько это уже указано было выше. А если справедливость не может потерпеть поражения в поединке, разве то, что приобретается в поединке, не приобретается по праву? Эту истину признавали и язычники еще до того, как вострубила труба евангельская, ища решения о поединке у фортуны. Вот почему Пирр, благородный наследник обычаев и крови Эакидов, когда были отправлены к нему послы римлян с предложением о выкупе пленных, хорошо ответил им: «Злата не требую я, и не давайте мне выкуп. Я имею дело не с торгующими, а с воюющими: мечом, а не золотом решим, кому принадлежит жизнь. Пусть Гера определит, кто будет царствовать, пусть решит судьба, подвергнув испытанию доблесть. Свободу того, кого пощадит Фортуна, пощажу и я несомненно. Этот примите дар».

Таковы слова Пирра. Герой он называл Фортуну, мы же лучше и правильнее назовем ее Божественным провидением. Вот почему да остерегаются кулачные бойцы, чтобы побудителем